

Тартуский университет
Колледж мировых культур и языков
Отделение славянской филологии
Кафедра русской литературы

Алма-Ата в русской литературе советского периода

Дипломная работа
студента III курса
отделения славянской филологии
Сергея Кима

Научный руководитель
Р.Г. Лейбов

Тарту
2017

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. Образ города в досоветской литературе	7
Глава 2. Алма-Ата ссыльных и эвакуированных	13
Глава 3. Город в диалогии Домбровского	19
Заключение	26
Список литературы	31
Kokkuvõtte	34

ВВЕДЕНИЕ

Русскую литературу можно представить в виде географической карты мира, на которой бы в соответствующих местах обозначались имена русских писателей и поэтов, изобразивших эти локации в своих произведениях. На подобной карте мы смогли бы наблюдать большое скопление имен вокруг важных культурных центров вроде Санкт-Петербурга или Москвы и зияющие пустоты между такими центрами. За пределами территорий бывшей Российской империи ярко отмечены были бы страны трех волн эмиграции: Франция, Германия и США. И можно было бы даже расширить этот мысленный эксперимент и применить его к атласу Вселенной, тогда бы на Марсе, например, появились имена А.Н. Толстого, братьев Стругацких, Кира Булычева и др.

Рядом с Алма-Атой (современное название — Алматы), бывшей столицей Казахстана, одиноко значилось бы имя Юрия Домбровского, который описал город в своих произведениях «Хранитель древностей» и «Факультет ненужных вещей», впервые опубликованных соответственно в 1964 году в журнале «Новый мир» и в 1978 году в издательстве YMCA-Press. Эти тексты сделали Алма-Ату известной для массового советского читателя и до сих пор остаются единственными каноническими текстами, внесшими значительный вклад в мифологизацию города.

Любопытно, что главные книги об Алма-Ате написаны не местным писателем, которого бы связывали с городом детские воспоминания, главные жизненные переживания и просто долгий опыт существования в этом пространстве, но ссыльный, то есть человек, которого вырвали из родного дома и заставили переселиться на новое, совершенное чужое место. Домбровский родился и жил в Москве, в 1932 году был арестован и осужден по статье 58–10, а в 1933 году выслан в Алма-Ату. С этим городом была связана вся его последующая жизнь. В нем он пережил еще 3 ареста. В 1939 году его отправили отбывать заключение в Колымский лагерь, однако в 1943 году актировали и выпустили в связи с параличом ног. Домбровский вернулся в Алма-Ату, но в 1949 году — новый арест на волне кампании по борьбе с космополитизмом. На этот раз раньше назначенного срока помогла выйти хрущевская оттепель. Повесть «Хранитель древностей» была опубликована в 1964 году в «Новом мире», который в начале 1960-х годов был одним из главных символом оттепели. За два года до этого, в 1962 году, в журнале была опубликована повесть Солженицына «Один день Ивана Денисовича», что рассматривалось тогда как признак перемен. Однако вскоре после этого политическая ситуация снова изменилась: либеральные веяния сменились консервативными, редакция Твардовского была разогнана, поэтому второй роман дилогии «Факультет ненужных

вещей» Домбровский в СССР опубликовать уже не смог, это пришлось сделать в Париже, в издательстве YMCA-Press в 1978 году. Заграничная публикация повлекла преследование со стороны органов государственной безопасности — Домбровский несколько раз был жестоко избит, второе избиение в Центральном доме литераторов привело к смерти писателя несколько недель спустя. Публикацию романа «Факультет ненужных вещей» в СССР Домбровский так и не увидел — она состоялась лишь в 1988 году, в том же журнале «Новый мир» уже в совершенно иной политической обстановке.

Когда существует один сильный текст об определенном локусе (в нашем случае — пара текстов), возникает закономерный вопрос: какова история бытования образа этого локуса в русской литературе и культуре вообще. Опирался ли Домбровский на какие-либо предшествующие художественные тексты, связанные с Алма-Атой, или самостоятельно изобретал новые описательные модели? Существуют ли другие попытки создать мифологизированный образ города или хотя бы эксплуатировать созданный Домбровским? Эти вопросы во многом и послужили толчком для формулирования основной проблемы работы. В ней мы постараемся проследить зарождение и эволюцию образа города Алма-Аты в русской литературе, а также пристально рассмотрим Алма-Ату 1930-х годов в романах Домбровского, поскольку они, как уже было сказано, являются главными текстами о городе.

В случае с Алма-Атой, пожалуй, нельзя вслед за В.Н. Топоровым говорить об алма-атинском тексте русской литературы, поскольку корпус художественных произведений об Алма-Ате несравнимо меньше петербургского корпуса. Свою работу «Ташкентский текст в русской культуре» Э.Ф. Шафранская как раз начинает с доказательства оправданности использования этого понятия. Но если применительно к Ташкенту это действительно может быть бессмысленным, то мы, говоря об Алма-Ате, значительно меньше представленной в литературе по сравнению с тем же Ташкентом, не будем прибегать к понятию «алма-атинский текст» во избежание методологических пререканий.

Насколько нам известно, не существует специальных исследований, посвященных этой проблеме. Есть работы, которые фокусируются на образе города в отдельных художественных произведениях. К ним относятся, например, статьи Ж.А. Баянбаевой «Алма-Ата в прозе Ю.О. Домбровского», Н. Какишевой «Семиреченская эпопея. Мотивно-сюжетная структура трилогии Д.Ф. Снегина „В городе Верном“», В. Коротковой «Собор как центральный пространственный символ в дилогии Ю. Домбровского „Хранитель древностей“ и „Факультет ненужных вещей“» и др. Не было системной попытки проследить за диахронным развитием образа города в русской литературе XIX и XX веков.

В качестве методологического ориентира для исследования города в литературном поле мы использовали работы Н.П. Анциферова, В.Н. Топорова, Ю.М. Лотмана, М.С. Кагана, М.С. Петровского, Э.Ф. Шафранской и др. Для сбора необходимых для исследования материалов нами активно использовались электронные базы данных, интернет-ресурсы и материалы, размещенные в открытом доступе в интернете, в том числе Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru), база данных «Жертвы политического террора в СССР» (lists.memo.ru), электронная база данных «Воспоминания о ГУЛАГе и их авторы» (sakharov-center.ru/asfcd/auth/), электронный корпус личных дневников «Прожито» (prozhito.org) и др.

Первая глава настоящей работы называется «Образ города в досоветской литературе» и начинается она с парадоксального заявления о том, что до 1920-х годов в русской литературе не было художественных произведений, в которых бы упоминался город. Тем не менее в ней исследуется ряд вопросов, связанных с этим фактом: как на это повлияла история самого города, почему совершенно иная ситуация наблюдается с Ташкентом, который не только упоминается в важных романах конца XIX века, но и вообще оттесняет все остальные среднеазиатские города и как эта ситуация постепенно начинается меняться уже в начале XX века.

Во второй главе речь идет о конце 1920-х — начале 1950-х годов, времени, когда Алма-Ата становится местом ссылки политических заключенных и эвакуации жителей России во время Второй мировой войны. Эти люди оставили большое количество литературных документов, включая воспоминания, дневники, очерки, письма, в которых встречается и изображение города. Многие материалы обнаруживают сходные черты, а именно элементы идеализации города, усмотрение в нем «райского сада», теплого и богатого провизией, противопоставляющегося холодной и голодающей России. В главе мы пытаемся выделить ряд описательных мотивов, вновь совпадающих для двух городов: Алма-Аты и Ташкента, которые также будут воспроизведены Домбровским при написании своей дилогии.

В третьей главе мы сосредоточиваемся на изображении города в самих романах «Хранитель древностей» и «Факультет ненужных вещей». Несмотря на то, что это дилогия, романы в большой степени отличаются по жанру, масштабу повествования и просто по объему. Основная часть описаний локуса дана в первом тексте, поэтому именно он находится в центре нашего внимания. Тем не менее символический уровень, связанный с городской пейзажистикой, присутствует и во втором романе, что мы и постараемся показать.

Изображаемый город в достаточной степени отличается от того представления,

которое складывается на основе исторических материалов. Мы знаем, что для Домбровского важна была историческая точность, поэтому сознательное отклонение от объективности рассматривалось нами как значимое. В начале главы приводится краткая историческая характеристика города к 1930-м годам, затем он сопоставляется с созданным в романах художественным образом Алма-Аты. Мы прослеживаем связь с традицией романтического описания Кавказа в русской литературе XIX века, а также то, каким образом эта проекция семантизируется.

В **Заключении** мы подводим итоги работы, вновь останавливаемся на важности романов Домбровского, пытаемся очертить траекторию развития образа города в русской литературе, а также поразмышлять о бытовании образа Алма-Аты после Домбровского, в том числе в современной казахстанской литературе.

Глава 1. Образ города в досоветской литературе

В русской литературе до 1920-х годов не было ни одного художественного произведения, в котором бы фигурировал город Верный — именно так он назывался до переименования в Алма-Ату в 1921 году. Казалось бы, на этом можно поставить точку и перейти к следующей главе. Но это тот случай, когда у нас есть готовый ответ на не вполне понятный вопрос, и в нем следует разобраться.

Прежде чем говорить об образе города в литературе, мы должны понимать, когда город был основан и стал осмысляться как город, и уже это не так просто. За начальную точку его истории принято считать 1854 год — основание укрепления Верный (или Верное).

«В 1854 г. отряд под командованием майора Перемышльского в урочище Алматы завершил строительство укрепления Верное, а через два года, в 1856 г., введенное в Заилийском крае приставство преобразовывается в Алатауский округ с центром в г. Верном» [История Казахстана III: 189].

Двухтомное издание «История Алматы в документах» также начинается с рапортов майора Перемышльского 1853 г. о выборе места для укрепления и подготовке к строительству:

«Из рапорта майора Перемышльского Господину Корпусному Командиру
8 августа 1853 г., Каргалы

Я имел честь доносить Вашему высокопревосходительству о намерении моем обозреть вершины Алматов. Осмотрев с инженер-поручиком Александровским первые и вторые Алматы и долину между ними, мы нашли по удобству добывания леса, большому количеству прекрасной, изрезанной арыками хлебопахотной земли, пажитей и сенокосных мест, далеко превосходящими урочища на Иссыке и Талгаре, почему и предложили Алматы местом будущего поселения...» [История Алматы I: 11].

В последнее время происходят попытки пересмотра истории города, вызванные, по-видимому, политической повесткой. В 2016 году в Казахстане на официальном уровне праздновалось 1000-летие Алматы. Однако даже если мы примем 1854 год за дату основания города, его статус все равно остается довольно сомнительным. Укрепление Верный было построено на месте небольшого поселения, которое накапливало признаки средневековых европейских городов постепенно, так что можно утверждать, что городом, с точки зрения западной социологии, оно стало гораздо позднее. Так, рынок, который М. Вебер рассматривал в качестве одной из главных черт ранних феодальных европейских

городов, во многом был привнесен в результате колонизации и развит только к началу XX века [Вебер: 324–325].

«Российский торговый и ростовщический капитал, выступая в качестве посредника между капиталистической промышленностью России и сельскохозяйственным производством в Казахстане, ускорил рост товарного обращения не только между центральными российскими губерниями и Казахстаном, но и внутри края. Постепенно господствовавшее в крае натуральное хозяйство стало разлагаться» [История Казахстана III: 291].

Верный не подпадает под веберовскую типологию городов, даже наиболее близкий к нему сельскохозяйственный тип (*Ackerbürgerstädte*) не предполагает наличия кочевого скотоводства в качестве главного промысла жителей [Вебер: 328]. Иными словами, обретение статуса города можно рассматривать именно как процесс без отчетливой точки перехода. Возможно, именно поэтому вновь построенные города Средней Азии в российском общественном сознании воспринимались скорее именно как поселки, нежели города¹.

К 50–60-м годам XIX века процесс вхождения в состав Российской империи территории нынешнего южного Казахстана еще не был полностью завершен. А значительная удаленность от Москвы и Санкт-Петербурга, отсутствие городской инфраструктуры и преимущественно военно-административный характер создаваемых городов-укреплений делали этот край сложным и малоинтересным пространством для культурного освоения. Здесь можно возразить, что, к примеру, Кавказу того времени свойственны те же черты, что никак не помешало его закреплению в русской картине мира. Однако это не вполне верно². Во-первых, геополитическое значение Кавказа для Российской империи было гораздо более важным, поэтому свои колониальные претензии по отношению к нему она реализовывала более активно и форсированно. Колонизация Кавказа была связана с непрерывными войнами и постоянным притоком образованного офицерства в регион, тогда как в Средней Азии это происходило гораздо более медленно и мирно. Пожалуй, самым красноречивым примером служившего на Кавказе офицера, запечатлевшего его в своих текстах, является Л.Н. Толстой (см. кавказские рассказы «Рубка леса», «Набег», а также повести «Казачьи», «Хаджи Мурат» и пр.).

Помимо прочего, Кавказ уже с начала XIX века являлся местом ссылки. Во многом именно политические ссыльные, преимущественно высокообразованные дворяне,

¹ В качестве примера здесь можно указать на высказывание А.А. Татищева, которое приводится далее в этой главе.

² Далее мы подробно останавливаемся на сопоставлении с Кавказом, поскольку, на наш взгляд, оно будет важно и для Домбровского.

заложили традицию литературного описания Кавказа.

«Большое место кавказская тематика занимала в публицистике, беллетристике, мемуарах и переписке русских дворянских революционеров. Некоторые из декабристов побывали на Кавказе еще до восстания 14 декабря 1825 г., другие попали туда уже в качестве ссыльных. Кавказ был для них „теплой Сибирью“. И все-таки тех, кто томился долгие годы в рудниках настоящей Сибири, Кавказ манил и красотой своей природы, и непрекращавшимся кипением борьбы, и возможностью ценой боевых отличий завоевать право возвращения на родину.

Всего на Кавказ оказались сосланными в персональном порядке 65 офицеров, в той или иной мере причастных к восстанию декабристов или к деятельности революционных декабристских обществ» [Фадеев: 356–357]. Среди них были такие видные представители своего поколения, как А.А. Бестужев, А.Е. Розен, М.И. Пущин, А.И. Якубович, Ф.Г. Вишнеvский, Н.П. Кожевников, А.И. Одоеvский и др. Отметим также связанное со ссылкой более раннее путешествие Пушкина, который создал ряд канонических текстов о Кавказе, а также позднее — пребывание там Лермонтова, также внесшего значительный вклад в формирование русского «кавказского текста».

Любопытно, что такое «положительное» влияние ссылки сработало и в случае с Алма-Атой уже советского периода, начиная с 1920–30-х годов, о чем пойдет речь в следующей главе. До этого рубежа упоминания города Верного в русских литературных источниках носили исключительно спорадический характер. Это были преимущественно краеведческие материалы, описывающие природу и местное население. К ним, например, относятся путевые заметки Пржевальского 1878 г. «Путь по Джунгарии», в которых сам город хоть и не выведен, но изображаются его окрестности [Пржевальский]. Отдельно стоит упомянуть записи А.А. Татищева, чиновника переселенческого управления. В них очень подробно показан весь регион конца 1910-х годов, включая города Верный, Ташкент и Бишкек (позже Фрунзе).

«Внешне Верный напоминал, скорее, большую деревню или курорт, чем губернский город. Все дома и здания (не исключая большого красивого собора) были из дерева, так как печальный опыт 1889 года, когда весь город был разрушен, показал, что только деревянные здания выдерживают землетрясения. Все дома были с садами, а по широким улицам, обсаженным густыми деревьями, проходили вечером коровы городского стада и почему-то хозяйки развешивали белье. Обилие фруктов (яблок „верненский апорт“ и груш „дюшес“) было невероятное. Цены столь же невообразимые — рубль за воз, если не на выбор, при покупке оптом; рубль за сотню — розницей, размером же яблоки и груши были такие, какие я больше в жизни не встречал» [Татищев: 184].

Путаницу в освоение региона вносила также терминологическая амбивалентность этнонима «киргизы». На это указывает, в частности, В. Ромодин в предисловии ко второму тому «Сочинений» академика В.В. Бартольда: «В тексте „Сочинений“ многие этнические названия оставлены в устаревшей к нашему времени форме, в которой их писал автор. Оставляя термин „казак“ вместо современного „казах“, составители сочли целесообразным дать во многих случаях пояснения. В русской терминологии в прошлом (не позднее, чем с начала XVIII в.) существовала путаница: казахи назывались киргиз-кайсаками, впоследствии кирги-казаками или, чаще, киргизами, а настоящих киргизов русские именовали „кара-киргизами“. Кроме того, этническое имя „казак“ могло смешиваться с русским названием военного сословия (казаки уральские, сибирские, семиреченские и т.д.). Истинное самоназвание казахского народа — „казак“ — сохраняется в казахском языке и в других языках советского Востока. В русском языке с 30-х годов XX в., во избежание терминологической путаницы, название этого народа стали писать „казах“. Во времена В.В. Бартольда неудобства, связанные с многозначностью слов „казак“ и „киргиз“, были настолько велики, что даже в его работах иногда название „киргиз“ применялось в качестве собирательного имени и для киргизов и для казахов (в языках местного населения, эти два этнических термина никогда не смешивались)» [Бартольд: 15].

Главным же городом Туркестанского генерал-губернаторства, в состав которого входил Верный, с 1860-х годов был, безусловно, Ташкент после его присоединения к Российской империи в 1865 году. Подробно эта тема исследована в работе Э.Ф. Шафранской «Ташкентский текст в русской культуре» [Шафранская].

В Ташкент отправляется Вронский в романе Толстого «Анна Каренина», город упоминается в романах Достоевского «Бесы» и «Подросток» (в последнем, как и у Толстого, в качестве места, в котором можно выслужиться и продвинуться в карьере). Но наибольший вклад в мифологизацию ташкентского тоposa внес, пожалуй, Салтыков-Щедрин в очерках «Господа ташкентцы», создав «ряд совершенно разных персонажей, но объединенных в один тип по алчности, безнравственности, хапужному инстинкту — ташкентца, устремившегося в новый край для утоления своих appetitov. <...> Явление „ташкентства“ (его тонко воссозданный генезис — в воспитании, образовании, нравах российских), по Щедрину, далеко не географическое. Ташкент существует не только в российских столицах и глубинках, но и за их пределами. Сама реальная ташкентская кампания стала лишь ярким толчком и послужила поводом для филиппик Щедрина. Не повезло реальному топониму и его жителям. К их счастью, имя нарицательное не прижилось, сегодня обыденное сознание вряд ли наделяет Ташкент и ташкентцев тем

щедринским смыслом» [Шафранская: 21].

Как замечает Шафранская, Щедрин подчеркивает обжорство ташкентцев, заикленность на еде, тогда как в XX веке эта черта трансформируется и обретает уже положительные смыслы в повести 1923 г. А. Неверова «Ташкент — город хлебный». В повести отображен некоторый стереотип о богатом, «хлебном» городе, в который направились голодающие крестьяне Поволжья после Гражданской войны. Обозначившееся противопоставление «голодающей» России и богатого юга, под которым понималась более или менее вся Средняя Азия, наметилось именно в это время, позже оно лишь усилится в 30-е и особенно 40-е годы, во время Второй мировой войны. Об этом пойдет речь в следующей главе на материале литературных источников советского времени. Но если примерно с конца 1920-х годов, когда в Алма-Ате появляются первые политические ссыльные, Алма-Ата и Ташкент уже стоят в одном ряду (Ташкент тем не менее, по-видимому, все еще более известен в качестве южного эдемического локуса), то в конце XIX и в начале XX вв. — города Верного в русском массовом сознании просто не существует. Помимо прочего, это объясняется и несоответствием масштабов городов — к концу XIX века население Ташкента примерно в 7 раз превосходило население Верного (согласно Первой всеобщей переписи населения Российской Империи 1897 г.) 155,6 тыс. и 22,7 тыс. соответственно [Перепись].

Ташкент, который в последние десятилетия существования Российской империи накапливает ряд устойчивых «южных» ассоциаций, после актуализации Алма-Аты в русской культуре начинает с ней этими ассоциациями делиться. Главным же стереотипом, который впоследствии разделят Ташкент и Алма-Ата, будет представление о райском саде, о рае как таковом в сопоставлении с тяжелой жизнью в России. Эта антитеза влечет за собой другие оппозиции, вытекающие из нее: богатство–бедность, сытость–голод, тепло–холод, райский сад — бесплодная земля. Это хорошо описано в упомянутой повести Неверова: «Опять мужики на улице говорили про Ташкент. Кружились в мыслях около невиданного, слушали про сады виноградные, дразнили себя пшеницей двух сортов: поливной и багорной. Цены невысокие Рай! <...> Как в сказке, стоял перед ним Ташкент — город хлебный. Сады виноградные — во! Шутя можно урюку карман нарвать. <...> Говорили мужики — воздух очень горячий там — задохнуться можно — и этого не боялся Мишка. Наверное, речки есть, как у нас. А раз речки — можно купаться» [Неверов]. Действие повести происходит в самом начале 1920-х годов, то есть речь идет о представлениях, которые сложились еще в досоветское время.

Красноречивы также упоминания Алма-Аты в «Четвертой прозе» Мандельштама: «Гуда приезжали люди из Харькова и из Воронежа, и все хотели ехать в Алма-Ату. Они

принимали меня за своего и советовались, какая республика выгоднее», а также: «Я китаец, никто меня не понимает. Халды-балды! Поедем в Алма-Ату, где ходят люди с изюмными глазами, где ходит перс с глазами как яичница, где ходит сарт с бараньими глазами» [Мандельштам: 93]. В каком-то смысле обе эти цитаты косвенным образом подтверждают ассоциацию, связанную с «хлебным городом», которая в 20-е годы распространилась и на Алма-Ату. В первом процитированном фрагменте Мандельштам говорит о том, что люди из разных регионов Советского Союза стремились попасть в Алма-Ату, по-видимому в погоне за провизией и достатком. Во второй цитате это подтверждается эпитетами, которые также связаны с едой: «изюмные глаза», «глаза как яичница», «бараньи глаза».

Несмотря на то, что Алма-Ата (или тогда — Верный) не присутствовала эксплицитно в русской литературе вплоть до 1920-х годов, образ города в момент его актуализации не был пустым в смысловом отношении. У образа Ташкента были позаимствованы не только культурные ассоциации, но и модели описания, что мы попытаемся показать в следующей главе.

Глава 2. Алма-Ата ссыльных и эвакуированных

Вхождение Алма-Аты (тогда еще — Верного) в русскую литературу совпадает с установлением в регионе советской власти. Верненский мятеж 1920 г. в период Гражданской войны становится главным сюжетом романа «Мятеж» Д. Фурманова, опубликованного в 1925 г., первого художественного произведения, в котором фигурирует город. Более того, Верный в нем также является основным художественным локусом. Однако первый блин вышел комом и роман Фурманова вряд ли вспоминается как первый текст русской литературы о городе Верном. Во-первых, сомнение вызывает художественная самостоятельность текста — он в сильной степени идеологизирован, модель мира в нем крайне упрощена, к примеру стратификация коренного населения дается чрезвычайно просто: зажиточные кулаки и бедняки-крестьяне. Во-вторых, город изображается на удивление скупо. Мы находим описания природы Семиречья, но внутригородской пейзаж практически отсутствует. Единственный заслуживающий внимания фрагмент подается в контексте нестабильного сейсмического положения Верного:

«Затем мы еще наслышались об ужасающей распутице: старожилы пророчили нам гибель в пути от горных бурных рек, от обвалов и провалов, уверяли, что мосты снесены водой» [Фурманов: 17]. Этот образ лавины и стихийного бедствия в целом позднее используется в романе для визуализации мятежа: «В Семиречье в те дни — что на вулкане: глухо выли подземные гулы, раскатывались зловещим, жутким рокотом — все ближе, явственней, тревожней. И каждый миг можно было ждать: распахнется вот наотмашь широкий каменный зев, раздастся еще шире накаленная глотка, и вымахнет из нее с воющей бешеной силой расплавленное море, — помчится с присвистом, с гиком огненный ревущий ужас, все сжигая, унося, затопляя на мертвом пути» [Фурманов: 150, 151]. Таким образом, как нам кажется, город в «Мятеже» не столь значителен, он лишен права на собственный облик. Единственная его функция — фон для развертывания идеологического противостояния, воплотившегося в подавлении мятежа. Показательно, что даже глава «В Верном» начинается с того, что герои, только войдя в город, незамедлительно следуют к ревкому, даже не оглядываясь по сторонам:

«Вот мы и в Верном. Я знаю, что здесь председателем областного ревкома мой товарищ по Самаре, Юсупов. Даешь Юсупова! В чужом месте, особенно в такой глуши, какая это радость — найти с первого раза старого знакомого» [Фурманов: 67].

Все изображение ограничивается одной лексемой «глушь». А единственная его

характеристика, описанная выше, — опасность землетрясения и селя — служит для подкрепления метафоры мятежа.

Позднее вслед за Фурмановым к топике Гражданской войны в Семиречье обращались и местные алма-атинские писатели, в частности Д. Снегин в своей трилогии «В городе Верном», романы которой выходили в 50–70-е годы. Трилогия Снегина, как и некоторые другие произведения местных писателей, не рассматриваются нами в этой работе, поскольку, как нам кажется, имеют локальное значение и вряд ли повлияли в какой бы то ни было степени на формирование образа города Алма-Аты в русской литературе и массовом советском сознании вообще.

В конце 1920-х годов Алма-Ата становится местом ссылки политических заключенных, среди которых было большое количество представителей интеллигенции. Поток ссыльных не останавливался на протяжении всех 30-х годов вплоть до вступления СССР во Вторую мировую войну, когда последовала уже волна эвакуированных из европейской части России. Важным событием этого периода является прибытие в Алма-Ату в 1933 году Юрия Домбровского, писателя, внесшего наибольший вклад в мифологизацию Алма-Аты и закрепления образа города в русской литературе. В его дилогии, состоящей из романов «Хранитель древностей» и «Факультет ненужных вещей» город играет чрезвычайно важную роль, поэтому изображению Алма-Аты Домбровским посвящена отдельная глава работы.

С этим периодом также связан целый пласт литературных источников, в которых так или иначе фигурирует город. Главным образом это мемуары, дневники и письма ссыльных и эвакуированных. Составление полной библиографии алма-атинских текстов представляется отдельной важной задачей, сейчас же сосредоточимся лишь на нескольких текстах. Значительная часть материалов была взята нами из базы данных Сахаровского центра «Воспоминания о ГУЛАГе и их авторы»³, которая обнаруживает большое количество книг-воспоминаний ссыльных и эвакуированных в Алма-Ату в 30–40-х годах. Среди авторов можно назвать такие имена, как Т.А. Аксакова, Ю.Л. Юркевич, И.А. Савенко, С.М. Лейтман, И.А. Ефимова, Н.П. Старостин, А. Сабadoш и др.

Первым знаковым ссыльным в Алма-Ату в 1928 году был Л. Троцкий, оставивший дневники и письма. Впрочем, описанию города в записях Троцкого отведено совсем незначительное место: в одном из писем 1928 года он беспокоится из-за возможных землетрясений и паводков, а также сообщает о желании «перебраться выше в горы, так называемые сады: в городе, как говорят, жестокая жара, а главное — совершенно

³ База данных доступна по ссылке: <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=list> (последняя дата обращения 20.05.2016).

невыносимая пыль» [Троцкий: 41]. Будучи заядлым охотником, Троцкий больше интересуется алма-атинской фауной: «С городом я совершенно не знакомился, т.к. сидел почти все время безвыходно с повышенной температурой. Охотой интересовался пока что только теоретически. Хищническое ведение охоты за последние годы сильно поубавило дичи. Тем не менее дичь здесь, как говорят, есть и — главное — отмечается чрезвычайным разнообразием: от перепела и стрепета до барса и тигра. Тигры, впрочем, довольно далеко отсюда, на Балхашском озере, и непосредственной опасности им от меня не угрожает» [Троцкий: 42].

После Троцкого политические заключенные, многие из которых были как раз обвинены в троцкизме, уже в начале 30-х годов ссылались в Алма-Ату, и некоторые из них также оставили дневники или воспоминания. Во всех этих документах, как и в текстах Домбровского, которые описывает Алма-Ату этого же времени, обнаруживается одна удивительная общая особенность: город в большинстве случаев воспринимается как край изобилия, противопоставляющийся России. Вновь актуализируется представление, использованное Неверовым в повести «Ташкент — город хлебный» 1923 года о богатом и теплом среднеазиатском городе, в котором наблюдается избыток продовольствия. Только в данном случае представление переносится с Ташкента на Алма-Ату. В некоторых текстах напрямую говорится о «рае» или «райском саде». Мы не будем подробно анализировать каждый текст, но рискнем лишь обозначить несколько устойчивых вспомогательных мотивов, которые усиливают эту линию. Это горы, солнце, обилие зелени и алма-атинский апорт. Приведем несколько примеров (в скобках указано время описываемых событий).

«Город Алма-Ата отметил наше прибытие хорошей погодой, багряной осенней листвой, изобилием и ароматом яблок» (1938) [Лейтман: 204].

«Приехали. Куда? Это — Алма-Ата. Город окружен красивыми горами. Сияет солнце» (1937) [Ефимова: 297].

«Слабый от недосыпания, с тяжелыми больными ногами, усталый, вшивый. Опускаюсь на скамью игрушечного алма-атинского трамвая и с завистью смотрю сонными глазами на счастливых, живущих здесь, вздыхаю» (1941) [Мартинсон].

«Приехала я в Алма-Ату в первый день октября. Тепло, солнечно, все — в открытых летних платьях. Сразу же пошла на базар и купила яблок, знаменитого алма-атинского апорта — огромные, красные, спелые, вкусные-превкусные. А цена-то! Пятьдесят копеек за килограмм, еще на старые деньги» (1940-е) [Савенко: 263].

Помимо свидетельств ссыльных и эвакуированных, в военное время появляются и дневники и записи военнослужащих. Приводим запись из дневников солдата Юрия

Рябова, впервые увидевшего Алма-Ату в 1941 году:

«Алма-Ата! Она меня ошеломила. Я слышал рассказы про этот город, но представлял что-то другое. Я видел Ленинград, Севастополь, Сочи, но Алма-Ату сравнить просто не с чем. Проехав последние 800 километров через Голодную степь (так называется пустыня, тянущаяся вдоль Киргизского хребта) и почти не встретив по пути растительности, я попал в сказку.

Представьте себе лес: большой девственный лес из берез, лип, кленов и пирамидальных тополей, а в этом лесу стоят небольшие белые домики, в основном одноэтажные. Здесь милиционерам не нужно управлять движением, то есть следить за тем, чтобы народ переходил улицу на перекрестках. Идет асфальтированный тротуар, затем изгородь из акаций, арык (канавка с проточной ледяной водой), затем аллея высоких деревьев, снова барьер из акаций и уже шоссе, асфальтированное, так же точно и с другой стороны. Улицы все идеально прямые, пересекаются под 90 градусов, особенно интересно ночью: идешь и слышишь, как со всех сторон журчит вода, даже в туалетах на улицах, в парках, кругом журчат арыки, и вот на таком искусственном питании растет огромный лес, это среди бесконечных, диких, выжженных солнцем степей. Я выходил на станциях на 10–15 минут из вагона и ужасался жаре: температура 40–45 градусов, а здесь, в городе, прохладно.

А какое тут небо!.. Помните картины Верещагина, там небо ярко-бирюзового цвета, смотришь и не веришь, что такое бывает. Здесь оно действительно такое.

Теперь небольшая справка: в Алма-Ате больше солнечных дней в году, чем где-либо в СССР. Здесь и зима своя, собственная, неазиатская, а алма-атинская, почти всегда с солнцем. Парки с фонтанами, с огромными клумбами цветов, как на сельскохозяйственной выставке в Москве, только со всех сторон окружают фантастически величественные снеговые горы. Город находится на склонах Киргизского хребта (отроги Тянь-Шаня) на высоте 800 метров над уровнем моря и окружен горами. Идешь по городу, а его длинные, зеленые улицы сливаются вдаль с вершинами гор. Какое приятное чувство — глядеть туда вверх. На фоне этого яркого бирюзового неба, в какой-то розовой дымке, стоят хребты с вечными снегами. Кажется, это совсем близко, но высота их достигает 7000 метров. Описать все это трудно. Правильно сказал один философ: понять можно только то, что прочувствовал и испытал сам. Тут все так своеобразно и необычно, что только приходится вспоминать картины и декорации художников: все эти юрты киргизов в голой степи, эти горы в розовой дымке хорошо воспроизводит Анатолий Мазанов в нашем Оперном. Смотришь на горы и кажется, что это декорации или что-то искусственное поставлено за городом» (1941) [Рябов].

Приведем еще одно послевоенное описание города уже 50-х годов, весьма примечательное:

«Что говорить, в моих воспоминаниях Алма-Ата занимает особое место. Иногда закрываю глаза и вижу — лежу в яблоневом саду, рядом ручеек, арык. Можно спокойно спать под яблоней, и ни одного комара. Проснуться, поднять руку и сорвать самое вкусное в мире яблоко — алма-атинский апорт» (1950-е) [Старостин: 126].

Такая идиллическая тональность повествования иногда пробивается сквозь изображение тягот ссылки или эвакуации. Как мы уже говорили ранее, сходные тенденции обнаруживаются, например, и в текстах о Ташкенте.

«Прилетели в Ташкент в одиннадцать вечера. Вокруг — все в летнем, без рукавов. В Москве тоже тепло, но здешнее тепло совсем другое — безветренное, парное, а воздух — словно настой душистых трав» [Савенко: 259].

«Ташкент теперь вспоминаю как солнечный рай, как все относительно, как забывается все плохое, иначе от „плохости“ можно умереть, возненавидеть мир» [Окуневская: 117].

Существует, однако, проблема влияния текстов Домбровского, в которых Алма-Ата 30-х годов изображается как райский сад, на мемуары, записанные после прочтения его романов. Не исключена вероятность того, что собственное представление очевидцев об Алма-Ате 1930-х годов преломилось через созданный Домбровским художественный образ. Яркое тому подтверждение находим в воспоминаниях Аксаковой:

«Город Алма-Ата (бывший Верный) оказался людным, шумным, зеленым, пестрым, с невероятно смешанным населением. Застроен был тогда почти исключительно одноэтажными деревянными и саманными домами и халупами. К 1930 году Алма-Ата так еще и не поднялась, по сути, после знаменитого землетрясения в конце прошлого века, после которого сохранился лишь прекрасный деревянный собор, доминировавший над всем городом. Он, кстати, очень верно описан в „Хранителе древностей“ Домбровского» (1930) [Юркевич: 111].

Тем не менее такие случаи не отменяют тенденцию, которую мы могли наблюдать. Конечно, встречаются также тексты, в которых находится совершенно противоположная картина.

«...отсутствие памятников материальной культуры Востока компенсировалось чудесным видом на горную цепь Заилийского Алатау, которая на закате принимала феерическую окраску и казалась близкой. В описываемое мною время новое строительство в городе едва только начиналось, и Алма-Ата представляла собою большую деревню, раскинувшуюся на границе пустынной степи и богатых растительностью

предгорий. Вдоль улиц шли примитивные арыки с питьевой водой сомнительного качества. Снабжение товарами было скудное, квартиры — плохие» (1929) [Аксакова: 88].

Сюда также можно добавить и дневники художника, писателя и поэта Павла Зальцмана, эвакуированного из блокадного Ленинграда в Алма-Ату в 1942 году [Зальцман: 251–319]. В дневнике не даны первые впечатления Зальцмана от городского пейзажа (что было бы очень любопытным, учитывая, что он художник), но изображены бытовые тяготы и неустроенность жизни эвакуированных.

И все-таки в большинстве текстов тенденция к идеализации города, к приближению его к райскому саду доминируют.

Глава 3. Город в дилогии Домбровского

Действие дилогии Домбровского происходит в Алма-Ате в 1930-е годы. Напомним, что автор, как и герой «Хранителя древностей», в 1933 г. приезжает в Алма-Ату, с чего, собственно, и начинается роман: «Впервые я увидел этот необычайный город, столь непохожий ни на один из городов в мире, в 1933 году и помню, как он меня тогда удивил» [ХД: 11].

Среди исследователей ведутся споры по поводу автобиографичности дилогии. Мы же солидаризируемся с Абдуллаевой, которая говорит о том, что степень автобиографичности различается в двух романах. «Поскольку „Хранитель древностей“ и был задуман, как автобиографический, то содержания в нем фактов биографии Домбровского гораздо больше, чем в „Факультете“. Именно поэтому практически до самого финала мы не знаем имени главного героя» [Абдуллаева: 28]. Мы не можем не отметить, что для первого романа характерна большая детализация, тогда как во втором повествование ведется на более универсализированном уровне. Именно поэтому основная часть городских описаний обнаруживается в «Хранителе древностей». Этот роман в большей степени привязан к городу, чем второй. Вообще, несмотря на то, что дилогия подразумевает гомогенность входящих в нее компонентов, здесь мы имеем дело скорее с обратной ситуацией. Романы радикально отличаются друг от друга, начиная от объема, заканчивая вопросом о разной жанровой принадлежности текстов. Абдуллаева, оговаривая тот факт, что многие исследователи (включая первого рецензента И. Золотусского и А. Жовтиса), а также сам Домбровский называли «Хранителя древностей» повестью, а не романом, тем не менее приходит к выводу, что это все-таки роман [Абдуллаева: 3, 5, 11, 19–21, 27]. Но и она видит разницу между текстами: «Происходит изменение расстановки смысловых ударений, которое влечет за собой все остальные изменения» [Абдуллаева 27]. Нам кажется, что смысловой ареал города формируется именно в первом романе, но при этом он активно используется и во втором для решения уже других художественных задач. Поэтому основной анализ описания города базируется на «Хранителе древностей», тогда как выводы применимы уже к обоим текстам.

Как нам представляется, в дилогии воспроизводится и усиливается идиллический тон в описании города, обнаруженный нами в рассмотренных в первой главе текстах и изображающих Алма-Ату 1930–1940-х годов. Эксплуатация этой модели возводится Домбровским в художественный прием. Далее мы попытаемся это доказать, а также попробуем понять, для чего этот прием используется.

Для того чтобы показать, что идеализация города явно имела место, мы будем говорить о несовпадении художественного локуса и реального пространства, к которому оно апеллирует. На первый взгляд такой подход может показаться непродуктивным. Об опасности отождествления художественного и физического пространств подробно писал Ю.М. Лотман в статье «Художественное пространство в прозе Гоголя» [Лотман I: 5–7]. Однако случай с «Факультетом ненужных вещей» и в большей степени с «Хранителем древностей» представляется особенным, поскольку Домбровский акцентирует внимание на исторической достоверности описываемых реалий. Так, повествование иногда замедляется статическими описательными главами, которые рассказывают исключительно об истории города и его жителях. К примеру, четвертая глава «Хранителя древностей» полностью посвящена художнику Н.Г. Хлудову, значительная часть первой главы — архитектору А.П. Зенкову и его проектам. Более того, роман включает в себя объемные порой цитаты из местной периодики, архивных материалов и краеведческой литературы с указанием в сносках дат публикаций и даже номеров отдельных изданий. Учитывая привлечение серьезного фактологического ресурса и такое внимание автора к исторической точности, можно предположить, что трансформация реального городского образа является сознательной и в данном случае — значимой, поэтому сопоставление реального и фикционального пространств будет небесмысленным.

Основной чертой города для Домбровского, как кажется, является его органичная вписанность в живую природу. Он говорит о городе-саде, выстраивает утопическую модель мирного сосуществования человека и природы: «...в городе зверья не меньше, чем людей. В городском парке по вечерам ухаёт филин. По улицам, как только смеркнется, носятся летучие мыши, иволги кричат и поют на автобусной остановке в центре. На тесовые крыши предместий (их тут зовут по-старому — „станции“) садятся фазаны» [ХД: 12]. Рассказывая о художнике Хлудове, который жил и работал в Верном, а затем в Алма-Ате, Домбровский говорит о «той степени изумления и восторга, которые ощущает каждый, кто первый раз попадает в этот необычный край» [ХД: 45]. Из многочисленных описаний подобного рода складывается впечатление, что модельным локусом для него становится райский сад. Намеки на это встречаются в обоих текстах: описание алма-атинского апорта — «невероятного яблока» [ХД: 64], неоднократное повторение фразы «Алма-Ата — отец яблок» [ХД: 64, 65] (перевод названия города с казахского языка), сюжет с удавом, который заканчивается арестом героя Потапова (изгнание из райского сада, спровоцированное змеем) [ХД: 124–138], история с дедом-столяром, который приносит мешок с яблоками для заключенного молодой следовательнице, а та берет его вопреки правилам, после чего мы наблюдаем ее разуверение в советской идеологии

(находим даже в тексте такую реплику: «Да такими яблочками, пожалуй, любой змей любую Еву купит») [ФНВ: 423]. Беря за образец райский сад, Домбровский, как нам представляется, создает идеализированный облик города, совершенно пренебрегая всеми сложностями и проблемами, существовавшими в то время. Такое изображение, очевидно, не соответствует действительности. Для более ясного понимания контекста приведем краткую характеристику ситуации.

К 1930-м годам Алма-Ата, несмотря на то, что это столица Казахской АССР, — город ссыльных, глубоко периферийный и, что немаловажно, не вполне безопасный сразу в нескольких отношениях.

Во-первых, он расположен в сейсмоопасной зоне у подножия гор Заилийского Алатау: с момента основания города в 1854 г. до 1930-х гг. здесь произошло несколько землетрясений, два из которых были крайне разрушительными (1887 г. и 1910 г.), в 1921 г. обрушился мощный сель, уничтоживший большую часть городских сооружений, случилось несколько наводнений. Л. Троцкий одно из первых писем из Алма-Аты 1928 г. начинается следующим образом: «Две недели, как мы прибыли в Алма-Ату. Землетрясений пока что не было, но обещают. Равным образом не было и наводнений. Но резерв для наводнений держится всегда наготове в виде Иссыкского озера, которое возвышается над городом, подобно громадной чаше с водою, и в любое время может быть опрокинута на спину обитателя» [Троцкий: 41]. Эти природные катаклизмы, все еще актуальные как в 30-е годы, так и позднее, описываются Домбровским исключительно как пережиток прошлого, как характеристика города Верного, о все еще существующей опасности речи не идет.

Во-вторых, сказывалась на жизни горожан слабость городской инфраструктуры, прежде всего отсутствие водопровода и системы канализации, которые обуславливали низкий уровень здравоохранения. В докладе 1928 г. Совету Народных Комиссаров РСФСР об Алма-Ате говорится: «Снабжение населения питьевой водой происходит из реки Алма-Атинки, либо путем развоза воды в бочках, либо непосредственно из арыков, идущих из этой реки. <...> Непроницаемые выгреба отхожих мест и помойных ям отсутствуют, отбросы дворов смываются в арычную сеть <...> Тифозные и прочие желудочно-кишечные заболевания в значительном количестве имеют место круглый год...»⁴ [История Алматы I: 157].

Тифозные эпидемии, участвовавшие именно в 30-е годы, объясняются и третьей существенной проблемой не только для Алма-Аты, но и для всего региона — большой

⁴ Тема заразы и эпидемий обыгрывается буквально на первых страницах «Факультета ненужных вещей». Жители колхоза боятся обнаруженного захоронения костей и с недоверием относятся к раскопщикам: «Сап разводите, проклятые! Вот ваш прораб нам попадет! Всем головы поотмотаем!» [ФНВ: 8]

социальной текучестью, связанной с голодом 1932–1933 годов (преимущественно из сел в города). Последствия голода, вызванного коллективизацией, конечно, этим не ограничиваются. Среди них также критическое сокращение населения (убыль между 1926 г. и 1939 г., согласно переписям, составила более 36% всего населения [История Казахстана IV: 284]), последовавший за коллективизацией тотальный кризис сельского хозяйства и, как уже было сказано, ненормированный приток сельского населения в города, вследствие чего в них ухудшалось санитарное состояние, обострялась криминальная ситуация, учащались столкновения на этнической почве.

Как свидетельствует записка к протоколу №88 заседания Областного бюро ВКП(б) от 1932 г., в начале 30-х годов в Алма-Ате борьба с уголовной преступностью была организована на очень низком уровне. Среди главных проблем называются отсутствие ночной оперативной группы в составе милиции, слабая борьба с хулиганством, недостаточный контроль над преступниками (260 случаев побега только за 20 дней июля), крайне низкая раскрываемость преступлений. Также говорится о том, что Алма-Ата, «находясь на пути между Сибирью (Новосибирск) и Средней Азией (Ташкент), <...> является местом остановок гастролирующего элемента» [История Алматы I: 200–201].

Как видно из этого далеко не исчерпывающегося списка, город был далек от того идеализированного образа, стремящегося к райскому саду, который конструирует в романах Домбровский. Мы предполагаем, что делает он это для того, чтобы актуализировать традицию романтического описания экзотической местности в русской литературе, в первую очередь Кавказа, а также сопутствующие этой традиции смысловые поля. Так, например, мы можем наблюдать романтическую пейзажную метафорику (деревья — «восточные танцовщицы», цветы — «свадебные покрывала», отроги гор — «два мощных сизых крыла над городом», тополь — «чернокожий, шумливый великан» и т.д.), а героиня — Клара, «красивая, тонкая, черноволосая, смуглая казашка» — сравнивается с «индуской и черкешенкой» [ХД: 11, 12, 14, 59]. Возможно, одним из важнейших текстов в этом отношении была повесть «Казачьи» Толстого, с которой диалогию роднит множество сходных микромотивов (удаление из Москвы, новая жизнь и отказ от прежней, встреча человека с общим московским прошлым и пр.).

Более того, помимо чисто внешнего сходства двух локусов (Алма-Аты и Кавказа): горы, периферийное расположение (удаленность от Москвы и Петербурга), провинциальность, этническое разнообразие и пр., — здесь срабатывает и символический уровень. Кавказ XIX века, который в романтическом сознании ассоциируется с кавказскими войнами, освободительной борьбой и свободой как таковой, проецируется на раннесоветскую Алма-Ату, так что город ссылки парадоксальным образом предстает

более свободным от политического и социального давления, чем Москва — родной город героя. Сама ссылка в романах представляется в некотором смысле возвращением в потерянный рай. Создается отчетливая оппозиция «Алма-Ата — Москва», на которую с привлечением романтического дискурса, связанного с Кавказом, накладывается другая оппозиция: «свобода — несвобода». Далее постараемся это обосновать.

Уже на первых страницах романа мы видим противопоставление Алма-Аты и Москвы: «Выезжал я из Москвы в ростепель, в хмурую и теплую погоду... Провожали меня с красными прутиками расцветшей вербы... Больше ничего не цвело. А здесь я сразу очутился среди южного лета. Цвело все, даже то, чему вообще цвести не положено — развалившиеся заплоты (трава била прямо из них), стены домов, крыши, лужи под желтой ряской, тротуары и мостовые» [ХД: 11]. Мы видим антитезу по признаку цветения и цвета. В Москве ничего не цветет, в Алма-Ате, городе-саде, цветет абсолютно все. Сравним, например, с описанием Кавказа у Толстого в «Казаках»: «...за Ставрополем уж стало так тепло, что Оленин ехал без шубы. Была уже весна, — неожиданная, веселая весна для Оленина» [Толстой: 182].

Далее описания Москвы сопровождаются эпитетами «хмурый» и «серый», тогда как Алма-Ата изобилует различными красками. Так, например, описывается дом героя, в котором он провел детство: «Когда мне было лет десять, мы жили в Москве в большом хмуром пятиэтажном доме, и самое лучшее в нем был чердак» [ХД: 18]. А вот детское воспоминание Зыбина о Чистых прудах: «Скука и тоска... третий круг, это заклешенные намертво за руку несчастные господские дети. И он тоже господское дитя, и его тоже заклешили и тащат. Солнце палит, оркестр гремит. Круг движется медленно-медленно, и не выкрутишься, не выпросишься, не убежишь» [ФНВ: 44]. Здесь появляется мотив несвободы, связанный с конкретным местом — Чистыми прудами и, соответственно, Москвой.

В более широком масштабе противопоставление городов подкрепляется сравнением алма-атинского Вознесенского собора и северных храмов в целом:

«А внутри [Вознесенский] собор огромен. Его своды распахнуты, как шатер: под ними масса южного солнца, света и тепла. <...> И вообще в этом лучшем творении Зенкова столько простора, света и свободы, что кажется, будто какая-то часть земного круга покрыта куполом. Это очень южный храм, в нем все рассчитано на свет и солнце.

Мы, северяне, знаем совершенно иные храмы. В них потолки низки и давят, в них пространство зажато и стиснуто в узких угловатых сводах. В них темно, тесно и страшно» [ХД: 17–18].

Описание интерьера северного храма, будучи рассматриваемым в рамках оппозиции Москва–Алма-Ата, относится к московскому полюсу и напоминает описание тюремной камеры. Алма-атинская же природа связывается со свободой и служит контрастным фоном по отношению к «длинному, серому» зданию НКВД — как бы единственной чужеродной для утопического города постройке. Ю.М. Лотман в упомянутой выше статье говорит о героях, которые «несут вместе с собой и свойственный им locus» [Лотман I: 10], здесь же можно говорить о том, что носителем московского локуса является алма-атинское здание НКВД. И сами сотрудники, покинув это здание, будто бы подчиняются законам города и забывают о своей работе. Так, следователь Нейман, по пути домой наблюдая горную реку у края города, «скидывал со своих плеч, как тяжелую ведомственную шинель, все это серое длинное здание с площадью Дзержинского, со всеми его постами, секретками, кабинетами, несгораемыми шкафами, тюремными камерами, голыми коридорами и бессонными лампами — и оставался простым немудрящим человеком» [ФНВ: 349]. Здесь важным представляется образ этого «простого, немудрящего человека», который отсылает к руссоистскому представлению о «естественном человеке». В этой связи вновь обнаруживается параллель с толстовскими «Казачками»: «И совершенно новое для него чувство свободы от всего прошедшего охватывало его между этими грубыми существами, которых он встречал по дороге и которых не признавал людьми наравне с своими московскими знакомыми. Чем грубее был народ, чем меньше было признаков цивилизации, тем свободнее он чувствовал себя. <...> Все казаки, ямщики, смотрителя казались ему простыми существами, с которыми ему можно было просто шутить, беседовать, не соображая, кто к какому разряду принадлежит. Все принадлежали к роду человеческому, который был весь бессознательно мил Оленину, и все дружелюбно относились к нему» [Толстой: 182].

Чужеродно здание НКВД во многих отношениях: начиная от цвета (серое здание среди яркого цветущего города-сада) вплоть до прагматики — в нем люди лишаются свободы, а город, как мы говорили выше, является пространственным воплощением свободы. Неудивительно, что его предместья многими героями рассматриваются как путь возможного побега. Бригадир Потапов в «Хранителе древностей» в горах прячется от ареста, в «Факультете ненужных вещей» Зыбин, опасаясь, что в его доме проводится обыск, задумывается о побеге на реку: «До Или верст тридцать пять. Туда ходят порожняки. Вскочил на подножку и уехал, и до утра его не хватятся» [ФНВ: 80]. Интересно, что о побеге подумывает и сам следователь Нейман: «В тихие сумрачные часы он часто прикидывал, а что случится, если он вдруг сорвется и однажды среди работы встанет из-за стола, оденется и тихонечко-легонечко, никого ни о чем не предупреждая,

выйдет и пойдет прямо-прямо до последней городской скамейки. Тут как раз стоят автобусы, он сядет в любой из них: все они идут в горы. Проедет первый мостик, проедет второй, тут кончается предместье, и к шоссе подступают горы — посвежеет, запахнет снегом, хвоей и землей, — и замелькают станции со странными ласковыми названиями...» [ФНВ: 349] Здесь опять находим явную переключку с Толстым: «Чем дальше уезжал Оленин от центра России, тем дальше казались от него все его воспоминания, и чем ближе подъезжал к Кавказу, тем отраднее становилось ему на душе. „Уехать совсем и никогда не приезжать назад, не показываться в общество“, — приходило ему иногда в голову» [Толстой: 181].

Ориентация на описанные выше руссоистские и романтические ассоциации и смысловые схемы, на наш взгляд, и было главной причиной идеализации образа города, в значительной степени не совпадающего с реальной Алма-Атой 30-х годов.

Итак, в этой главе мы рассмотрели, каким образом Домбровский описывает город, к каким литературным традициям он возводит эти описания, а также какие в связи с этим привлекает смысловые ряды. И, как мы уже говорили, это первое значительное художественное изображение города в русской литературе, что придает романам дополнительную значимость.

Заключение

После Домбровского в литературе советского времени были попытки сделать Алма-Ату главным местом художественного повествования. Здесь можно отметить трилогию Д. Снегина «В городе Верном», детские рассказы М.Д. Зверева «Тайна двухэтажного города», «Охотники за барсами», повесть А. Ананьева «Верненские рассказы» и др. Мы обошли вниманием эти произведения, а также ряд текстов местных писателей, опубликованных в казахстанском литературном журнале «Простор» и изданных в издательстве «Жазушы», поскольку они, на наш взгляд, носят исключительно локальный характер и не влияют на формирование образа города Алма-Аты в массовом читательском сознании.

По той же причине мы не рассматривали до сих пор упоминания города в поэтических текстах советского времени. Так, Национальный корпус русского языка обнаруживает только пять текстов, содержащих топоним «Алма-Ата». В стихотворении Бориса Слуцкого «День победы в Альпах», опубликованном в сборнике «Современные истории» 1969 года, город упоминается как место происхождения четырех верблюдов, героев поэмы: «Четыре верблюда на улицах Граца! / Да как же они расстарались добраться / до Альп / из родимой Алма-Аты! / Да где же повозочных порастеряли? / А сколько они превзошли расстояний, / покуда дошли до такой высоты!» [Слуцкий: 123].

Два стихотворения Павла Васильева, отмеченные одним и тем же годом создания — 1930 г., описывают торжество социализма в «киргизских» степях и также лишь вскользь называют город, не акцентируя на нем внимания. В стихотворении «Турксиб»: «Скучно слушать и впитывать их тишину. / По примятой траве, по курганным закатам, / Незнакомым огнем обжигая страну, / Загудевшие рельсы / летят в Алма-Ата!» [цитируется по НКРЯ]. В тексте «Киргизия» номинация города все-таки сопровождается и упоминанием одного из главных символов города (о которых шла речь во второй главе) — яблонь: «Совхозы Киргизии! / Травы примяты. / Протяжен верблюжий поднявшийся всхлип. / Дуреет от яблонь весна в Алма-Ата, / И первые ветки / раскинул Турксиб» [цитируется по НКРЯ]. Отметим смещение ударения в обоих случаях и использование несклоняемой формы топонима. Оба текста также называют вновь построенную железную дорогу — Туркестано-Сибирскую магистраль, законченную раньше срока в 1930 году в ходе первой пятилетки.

Поэтому неудивительно, что именно этот же контекст воспроизводится в стихотворении 1935 года М. Тарловского «Поезда Москва — Алма-Ата». Стихотворение прославляет коммунистическое братство народов и в глянцево-м виде представляет национальное своеобычие казахского народа: «Там крепнет на зелени тощей / Заветный кумыс кобылиц // Горбун, именуемый „наром“, / В чьи ноздри продет мурундук, / По тамошним долгим сахарам / Проносит раздвоенный тюк. <...> Трещал саксаул на мангале, / И слушал ночной властелин, / Как люди в кибитке слагали / Стихи вдохновенных былин...» [цитируется по НКРЯ]. Рефреном трижды повторяется: «И едут московские гости / К далекой казакской родне», подчеркивая дружное соседство народов, которые если и не являются «братскими», то тем не менее связаны определенной родственной связью. Наибольший интерес представляет поэма В. Луговского «Город снов», дата написания которой определяется периодом 1943–1956 гг. Этот текст написан в жанре баллады: действие происходит во время Второй мировой войны, в Алма-Ату доставляется гроб с убитым солдатом, который, по всей видимости, работал подмастерьем именитого режиссера. Описания города подчиняются балладности стихотворения: «Снега закрыли крыши под луною, / И Ала-Тау, словно белый слон, / Глядит, клыки поднявши, из Китая, / И золотая тучка зацепилась / За легкие хребты...», «...Ты взираешь / На дикий голубой костяк Тянь-Шаня, / На голубую мертвую луну. / Вокруг нее зеленый обод / От мертвенного холода, и площадь / Перед ЦК так грозно залита / Квадратами пылающего света, / И ветер из ущелий...», «Сидит его душа на Ала-Тау / В морозной ризе, в чернолапых елях / И смотрит непомерными глазами / На город вещей снов — Алма-Ата. / Полночные срываются лавины, / На скалах, прикорнув, ночуют звезды, / Холодный месяц рвет атлас небесный...», «А я иду по голубой стране, / Где смертные березы наклонили / Свои седые бабушкины косы. / И все-таки мне очень хорошо: / Я мыслю. / Вот луна, летают тучи, / Дорога серебрится чистым снегом, / Собака лает, зеленеют пики / Беспамятных хребтов, почти подлунных» [Луговской: 245–247]. Образ алма-атинского Дома искусств перекликается с изображением гроба, в котором привезли тело солдата: «А я иду, как прежде, в Дом искусства, / Где мой ночлег. / Огромный серый дом / Без света, без тепла, набитый плотно...» и далее: «Мое жилье. О, боже! Дом искусства. / Без электричества, без лампочек, без печек, / Набитый бесприютными людьми...» [Луговской: 246, 247].

В стихотворении Луговского также происходит попытка мифологизации городского пространства. Более того, в нем можно усмотреть установку на переверот традиционного представления о «хлебном» южном городе в годы эвакуации и создание совершенно иной

модели — холодного, темного города, наполненного мраком, несущего смерть своим обитателям. Попытку эту нельзя назвать удачной, поскольку дальнейших откликов на созданный Луговским образ обнаружить нельзя.

Как мы видим, в большинстве стихотворений город является периферийным образом, играющим вспомогательную роль или вообще упоминающимся мимоходом. В поэме Луговского важность городского пространства, несомненно, выше, но оно максимально абстрагируется и встраивается в традицию описания балладных локусов со всеми присущими им свойствами. Эта линия, намечающая оппозицию традиционному представлению о городе-саде, руссоистской идиллии, не получила развития в русском культурном контексте, поэтому текст Луговского также нельзя причислить к важным «алма-атинским» текстам. Домбровский же до сих пор остается главным и единственным писателем, создавшим устойчивый образ Алма-Аты в своей дилогии «Хранитель древностей» и «Факультет ненужных вещей». Предшествующее бытование города в романе Д. Фурманова «Мятеж» носило скорее условный характер, поскольку идеологическая природа романа заслонила все многие художественные факторы, включая описание главного места действия.

Как мы увидели, история эволюции образа Алма-Аты в русской литературе была очень короткой и завершилась так же неожиданно, как и началась. С момента своего основания в 1854 году вплоть до 1920-х годов города просто не существовало в русской картине мира. О нем писались краеведческие исследования, но в художественной литературе о городе упоминаний не было. Показательно упоминание Верного в романе Набокова «Дар»: «Русский простолюдин знает и любит родную природу. Сколько насмешек, сколько предположений и вопросов мне доводилось слышать, когда, преодолевая неловкость, я шел через деревню со своей сеткой! „Ну это что, – говорил отец, – видел бы ты физиономии китайцев, когда я однажды коллекционировал на какой-то священной горе, или как на меня посмотрела передовая учительница в городе Верном, когда я объяснил ей, чем занят в овраге“» [Набоков: 292].

В этом отношении показательна совершенно противоположная ситуация с другим городом Туркестанского генерал-губернаторства — Ташкентом, который не только упоминается в романах Достоевского, Толстого, Салтыкова-Щедрина, Лескова и др., но и является главным среднеазиатским городом (и, вероятнее всего, не теряет этот статус и в XX веке).

Первый всплеск интереса к Алма-Ате связан с верненским антибольшевистским восстанием 1920 года. Любопытно, что разрушительное землетрясение, сравнявшее с землей большую часть города в 1911 году в свое время не вызывало никаких литературных откликов (здесь вновь напрашивается противопоставление с землетрясением в Ташкенте в 1966 году, которое мгновенно вошло в массовую культуру). Позднее в конце 20-х годов и в течение 30-х, когда Алма-Ата превратилась в место массовой ссылки политических заключенных, в город начало стекаться большое количество образованных людей, которые оставляли литературные документы, запечатлевающие город того времени в своих дневниках, заметках, письмах и пр. В 40-е годы к ним добавились эвакуированные. Во многих документах наблюдается тенденция к идеализации города, которая также встречается и в романах Домбровского. По-видимому, этот импульс был достаточно сильным, так что и в последующие годы (60–70-е), когда город менялся и рос, представление о городе-саде, укрепленное вышедшей в 1962 году повестью «Хранитель древностей» в «Новом мире», оставалось сильным. Так, Л.К. Чуковская в своем дневнике в записи от 13 марта 1967 г. пишет: «Сегодня днем был часа 2 Александр Аркадьевич [Галич]. Слабый, сильный, и, по-видимому, гениальный.

Вернулся только что из Алма-Ата, рассказывает с восторгом об этом блаженном острове, а главное — о 96-летнем скульпторе Иткинде (режет по дереву)...»

В последние десятилетия советского времени развитие образа города в русской литературе будто бы прерывается. Как кажется, после Домбровского не было убедительных попыток поколебать или предложить новое изображение города, отличное от того мифологизированного локуса, который представлен в дилогии. То же самое можно сказать и о современной постсоветской казахстанской литературе. Хотя на этот счет есть разные точки зрения. Так, Вера Савельева в статье «Поколение, воспитавшее себя само», говоря о прозе современного казахстанского прозаика Михаила Земскова, пишет: «Земсков один из тех авторов, которые продолжают воссоздание в прозе „алматинского текста“. Этот город как Верный упоминается Владимиром Набоковым в романе „Дар“, позже Алма-Ата была опозитизирована Юрием Домбровским в „Хранитель древностей“. Казахстанские писатели Дюсенбек Накипов, Юрий Серебрянский, Лиля Калаус, Сергей Алексеёнок видят южную столицу по-своему» [Савельева: 164]. Несмотря на то, что количество текстов, действие которых происходит в Алматы, в последнее время увеличивается, вряд ли можно говорить о «продолжении воссоздания в прозе „алматинского текста“». И здесь Ташкенту, наверное, вновь повезло больше: пространство города воссоздается в прозе крупного прозаика Дины Рубиной, в частности

в ее романе «На солнечной стороне улицы». В данном случае о степени важности романа Рубиной можно говорить исключительно исходя из социологических характеристик: книга была опубликована в крупнейшем книжном издательстве России «Эксмо», завоевала одну из наиболее значительных литературных премий России «Большая книга» в 2012 году и вследствие этого была несколько раз переиздана и широко распространялась на российском книжном рынке.

Алма-Ате (или теперь Алматы) же, по-видимому, нужно ждать своего нового большого писателя, который бы сумел изобразить город и протянуть таким образом связующую нить от романов Домбровского к современности.

Список литературы

1. ХД: *Домбровский Ю.О.* Хранитель древностей. М., 1991.
2. ФНВ: *Домбровский Ю.О.* Факультет ненужных вещей. Алма-Ата, 1989.
3. Абдуллаева: *Абдуллаева (Шамардина) Ю.Д.* Романы Ю.О. Домбровского «Хранитель древностей» и «Факультет ненужных вещей» (поэтика и концепция личности). Махачкала, 2003.
4. Аксакова: *Аксакова Т.А.* Семейная хроника: в 2 книгах. Книга 2. Париж, 1988.
5. Анциферов: *Анциферов Н.П.* Душа Петербурга. Л., 1990.
6. Бартольд: *Бартольд В.В.* Сочинения, т. II, часть 1. Изд-во восточной литературы, М., 1963.
7. Баянбаева: *Баянбаева Ж.А.* Алма-Ата в прозе Ю. О. Домбровского // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования. Языки и специальность, 2015. №5.
8. Вебер: *Вебер М.* Избранное. Образ общества. М., 1994.
9. Ефимова: *Ефимова И.А.* Ничего не забывается // ... Иметь силу помнить : Рассказы тех, кто прошел ад репрессий / сост. Л. М. Гурвич. М., 1991.
10. Зальцман: *Зальцман П.* Осколки разбитого вдребезги. Дневники и воспоминания 1925–1955. М., 2017.
11. Иванов: *Иванов В.В.* Дневники. М., 2001.
12. Иванова: *Иванова Н.* Мертвая роща // Юность, 1939. №2. С. 92–96.
13. История Алматы I: История Алматы в документах. 1 том. Алматы, 2008.
14. История Алматы II: История Алматы в документах. 2 том. Алматы, 2008.
15. История Казахстана III: История Казахстана с древнейших времен до наших дней в пяти томах. 3 том. Алматы, 2010.
16. История Казахстана IV: История Казахстана с древнейших времен до наших дней в пяти томах. 4 том. Алматы, 2010.
17. Каган: *Каган М.С.* Град Петров в истории русской культуры. СПб., 2006.
18. Какишева: *Какишева Н.* Семиреченская эпопея. Мотивно-сюжетная структура трилогии Д.Ф. Снегина «В городе Верном» // «Простор», Алматы, 2010. №11.
19. Короткова: *Короткова В.В.* Собор как центральный пространственный символ в диалогии Ю. Домбровского «Хранитель древностей» и «Факультет ненужных вещей» // Материалы международной научно-практической конференции «Проблемы поэтики и стиховедения», АГУ, Алматы, 2003.
20. Кречмар: *Кречмар Д.* Политика и культура при Брежнев, Андропове и Черненко 1970–1985 гг. М., 1997.

21. Лейдерман, Липовецкий: *Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н.* Современная русская литература. 1950–1990-е годы. В двух томах. Том 2. 1968–1990. М., 2006.
22. Лейтман: *Лейтман С.М.* Жернова. М., 2001.
23. Лотман I: *Лотман Ю.М.* Проблемы художественного пространства в прозе Н.В. Гоголя // Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1968. Вып. 209.
24. Лотман II: *Лотман Ю.М.* Символика Петербурга и проблема семиотики города // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 208–220.
25. Лурье: *Лурье Я.С.* Размышления о Ю. Домбровском // Звезда, 1991. №3. С. 169–183.
26. Мандельштам: *Мандельштам О.Э.* Сочинения в 2 томах. Т. 2. Художественная литература, М., 1990.
27. Мартинсон: Мартинсон М. Дневник. Цитируется по электронному корпусу дневников «Прожито»: <http://prozhito.org/person/956> (дата последнего обращения: 08.05.2017).
28. Мордвинов: *Мордвинов Н.Д.* Дневники. М., 1976.
29. Набоков: *Набоков В.В.* Собрание сочинений русского периода в пяти томах. Т. 4. «Симпозиум, СПб, 2002.
30. Окуневская: *Окуневская Т.К.* Татьяна день. М., 1998.
31. Перепись: Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Таблица XIII. Распределение населения по родному языку. (Губернские итоги). ТТ.51–89. С.-Петербург, 1903–1905.
32. Петровский: *Петровский М.С.* Городу и миру: Киевские очерки. Киев, 2008.
33. Пискунов, Пискунова: *Пискунов С. Пискунова В.* Эстетика свободы (о романе Ю. Домбровского «Факультет ненужных вещей») // Звезда, 1992. №1. С. 172–181.
34. Пржевальский: *Пржевальский Н.М.* Путешествия к Лобнору и на Тибет. М., 2015.
35. Рейфман: *Рейфман П.С.* Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России. В 2-х томах. — Т. 1: Цензура в дореволюционной России. — Вып. 1: Допетровская Россия — первая треть XIX в. / Под ред. Г.Г. Суперфина. Пред. И.А. Пильщикова и В.С. Парсамова. М., 2015.
36. Рогинский: *Рогинский Б.А.* Пцу-пцу: Литература. Кино. Фотография. Школьный конкурс. М., 2011.
37. Рябов: Рябов Ю.А. Дневник. Цитируется по электронному корпусу дневников «Прожито»: <http://prozhito.org/person/520> (дата последнего обращения: 08.05.2017).
38. Сабадош: *Сабадош А.* Двадцать пять лет в СССР (1922–1947 гг.) / Жить как человек... Борцы рабочего движения области Зала. Залаэгерсег, 1980.
39. Савенко: *Савенко И.А.* Наяву — не во сне. Роман-воспоминание. Киев, 1990.

40. Слуцкий: Слуцкий Б. Собрание сочинений в 3 томах, том 2. Художественная литература, М., 1991.
41. Старостин: *Старостин Н.П.* Весна патриарха: «Дело братьев Старостиных» // Печальная пристань / сост. Кузнецов И.Л. Сыктывкар, 1991.
42. Сураг: *Сураг И.З.* Другой Домбровский // Октябрь, 2011. №8
43. Татищев: *Татищев А.А.* Земли и люди. В гуще переселенческого движения (1906–1921). М., 2001.
44. Толстой: *Толстой Л.Н.* Избранные произведения в трех томах. Том второй. Повести и рассказы 1856–1889. М.–Л., 1950.
45. Топоров: *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М., 1995.
46. Троцкий: *Троцкий Л.Д.* Дневники и письма. М., 2015.
47. Фадеев: *Фадеев А.В.* Россия и Кавказ первой трети XIX в. М., 1961.
48. Фурманов: *Фурманов Д.А.* Чапаев. Мятеж. М., 1983.
49. Шафранская: *Шафранская Э.Ф.* Ташкентский текст в русской культуре. М., 2010.
50. Юркевич: *Юркевич Ю.Л.* Минувшее проходит предо мною... М., 2000.

Kokkuvõte

Meie uurimise eesmärgiks on Alma-Ata linna kuju vene kirjanduses nõukogude ajal. See periood oli valitud sellepärast, et enne 1920. aastaid ei olnud venekeelseid ilukirjanduslikke teoseid, milles oleks see linn mainitud. See on seotud Alma-Ata (enne 1921. aastat linna nimi oli Vernyj) väikse ajaloo — see oli asutatud alles 1854. aastal. XIX sajandi lõpus ja XX sajandi alguses me võime leida ainult etnograafilisi, ajaloolisi ja geograafilisi raamatuid, mis käsitlevad linna vaid uurimismaterjalina. Esimene romaan, milles linn sai jutustluse peamiseks lokatsiooniks on D. Furmanovi “Mjatež” (1925), kuid linn mängib seal kõrvalist rolli, selle kirjeldus peaaegu puudub ja üleüldiselt romaani ideoloogiline iseloom tõrjub kõiki teisi aspekte välja.

Kõige tähtsam kirjanik, kes kirjeldas linna oma romaanides oli Juri Dombrovskij (1909–1978). Ta sündis Moskvast, aga 1933. aastal küüditati teda Alma-Atasse, kus ta veetis suure osa oma järgnevast elust. 1930-ndate Alma-Ata on peamine asukoht tema diloogias, mis koosneb kahest tekstist: “Хранитель древностей” ja “Факультет ненужных вещей” („Tarbetu tarkuse teaduskond“, tõlkinud Urmas Rattus). Linna kujule nendes romaanides on pühendatud meie töö kolmas peatükk.

Lisaks Dombrovskile oli 30–40-ndatel aastatel Alma-Atasse küüditatud (ja sõja ajaks evakueeritud) palju vene haritlaskonna esindajaid. Nad jätsid memuaare, päevikuid ja kirju, kus kirjeldatakse linna ennast ja tolleaegset elu linnas. Meie töös me analüüsime neid dokumente ja avastame, et paljudel neist tekib ühine linna kuju — paradiislik aed, idülliline maa, mis vastandus Venemaa põhja linnadele. Seda kujutlust kasutatakse ka Dombrovski poolt tema diloogias.

Pärast Dombrovskit, kahjuks, ei olnud kirjandusteoseid, mis võiksid tema romaanidega võrreldavad olla. Tänapäeva Kasahstani venekeelses kirjanduses on ka olemas kirjanikud, kes katsetavad uue linnamüüdi kujundamisega, aga liiga vara on öelda, kas need katsed on edukad või ei mitte.